

ГЛИНА И КОСТИ

СУДЕБНАЯ ХУДОЖНИЦА
О ЧЕРЕПАХ, УБИЙСТВАХ
И РАБОТЕ В ФБР

МОСКВА

УДК 343.9
ББК 67.5
Б97

Lisa G. Bailey
CLAY AND BONES: MY LIFE AS AN FBI FORENSIC ARTIST

Copyright © 2024 by Lisa G. Bailey
All rights reserved

Бэйли, Лиза.

Б97 Глина и кости. Судебная художница о черепаках, убийствах и работе в ФБР / Лиза Бэйли ; [перевод с английского И. Д. Голыбиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-206317-6

Лиза Бэйли никогда не думала связать жизнь со смертью, пока не наткнулась на вакансию художника-криминалиста в ФБР. Идея использовать художественный талант для помощи жертвам преступлений оказалась слишком притягательной.

Вскоре она фиксировала места преступлений, фотографировала обугленные останки и лепила лица из глины по черепакам неизвестных жертв. Особенно ее увлекала лицевая реконструкция: Бэйли знала, что точный портрет в глине может установить личность погибшего и помочь найти убийцу. Лиза стала экспертом в своей области, работая над сотнями дел, но столкнулась с дискриминацией и домогательствами. Руководство ФБР защищало виновных, отвечая ей угрозами и клеветой. Возмущенная лицемерием, Бэйли решила бороться... «Глина и кости» — это увлекательное путешествие в загадочный мир криминалистики, описанное честно и с нотками мрачного юмора.

УДК 343.9
ББК 67.5

ISBN 978-5-04-206317-6

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Посвящается Риду

Примечание автора

События, описанные в книге, были восстановлены мной по памяти и подкреплены сведениями из дополнительных источников, включая дневниковые записи, которые я делала после каждого инцидента, голосовыми сообщениями, имейлами, показаниями, данными под присягой мной и моими коллегами, делом ФБР по моей жалобе и беседами с другими участниками событий. В книге я выражаю исключительно свое мнение.

В некоторых случаях имена людей в книге были изменены; измененные имена при первом упоминании набраны ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ. Любое сходство между измененными и настоящими именами людей случайно.

Встретимся у трупов

Вонь гниющей плоти ударила мне в нос, стоило вылезти из машины. Единожды ее ощутив, я не могла от нее отделаться. Много часов спустя я продолжала ощущать ее на себе, и потребовалось несколько дней, чтобы мне перестало казаться, будто я улавливаю отголоски.

ЭМИ, наш гид на тот день, предложила надеть маски, но мы все отказались. Если ей маска не нужна, то и нам тоже. Будь у нас хоть капля здравого смысла, мы взяли бы их, но никому не хотелось выглядеть так, будто то, что нам предстоит, ему не под силу. В конце концов, мы были из ФБР — нам следовало проявлять твердость.

А вот со спреем от мух было совсем другое дело. От него я отказываться не собиралась. И не потому, что боялась укусов комаров или болезни Лайма. Просто я понимала, что все насекомые в радиусе мили только что закусывали разлагающимися телами, и не хотела, чтобы они приближались ко мне. Картинка из мультфильма с мухой, довольно потирающей лапки на мне, как на тарелке с едой, всплыла у меня в голове, и я невольно улыбнулась. Зная, что мне будет далеко не так весело, если какая-нибудь мошка или личинка попадут

мне в волосы, я схватила спрей и поливалась им до тех пор, пока пустой флакон не засвистел.

Далее нам раздали фиолетовые перчатки и голубые бахилы — точно такие, какие носят врачи и медсестры. Следующий час нам предстояло ходить по грязи, слизи и лужам телесных жидкостей.

Я посмотрела на забор из железной рабицы, по верху которого шли кольца колючей проволоки. Не самые жесткие меры безопасности, но, с другой стороны, мало кому хотелось пробраться внутрь. Первый шок от осознания того, что совсем рядом под солнцем лежат сотни обнаженных тел, уже прошел. Когда Ферма Трупов только открылась в 1981 году, она привлекала массу внимания, а подвыпившие подростки регулярно штурмовали забор, чтобы посмотреть, что же такое находится там, на территории учреждения, занимающегося изучением разлагающихся человеческих останков. Ныне же жители Ноксвилля, Теннесси, не только привыкли к этому соседству, но прямо-таки гордились им.

Эми сняла с калитки тяжелый навесной замок и открыла ее.

— После вас, — сказала она. Рядом с калиткой, прислоненная к забору, стояла помятая жестяная вывеска:

ИНСТИТУТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ —
ЗА ИНФОРМАЦИЕЙ ОБРАЩАТЬСЯ
К ДР. УИЛЬЯМУ БАССУ.

Нам понадобилась пара секунд, чтобы это осмыслить. Очень немного людей до нас стояло тут, и мы не собирались принимать это как должное. Мы с УЭЙДОМ переглянулись и рассмеялись. Он был судебным художником, как я, а также вторым и последним человеком в нашей группе, ценившим человеческие черепа не меньше моего.

Наш фотограф, ДЖЕФФ, уже пошел дальше, делая фото, а КЕРК, эксперт по 3D-моделированию, озирался по сторонам. Он строил для суда трехмерные модели мест преступления, и его мозг всегда находился в поисках более эффективного или быстрого способа что-то соорудить.

Эми прошла к фургону, припаркованному возле сарайчика. Оглянулась на Уэйда с Керком:

— Вы не против помочь кое-что поднести?

Они переглянулись и кивнули. Когда еще представится случай потаскать мертвое тело?

— Раньше к нам поступало не больше пары в год, — объяснила Эми, — а теперь больше сотни. Так что этот полежит в морозилке, — по крайней мере пока.

— В морозилке? — переспросила я. Вокруг были только деревья. Эми махнула головой в сторону сарайчика, в котором, как я ошибочно предположила, должны были храниться лопаты и грабли.

— Вон там.

Она придержала дверь, пока Уэйд с Керком вытаскивали труп из фургона и перехватывали поудобнее. Он был обернут в несколько слоев белой ткани и, похоже, заморожен — последние три часа труп провел в контейнере с сухим льдом. Большую часть сарайчика занимал простой белый морозильник — самый обычный, с верхней загрузкой, вроде тех, что стоят в подвале бабушкиного дома, и мы в детстве фантазируем, что там лежит мертвец, а не гамбургеры и готовая лазанья. Пожалуй, те детские кошмары не были так уж необоснованны; мало того, тела в морозильнике сами вызвались на эту работу.

Труп, который укладывали в камеру Уэйд и Керк, был частью коллекции Института антропологических исследований. Поначалу в нее попадали только

безымянные невостребованные трупы из офиса кононера штата. Со временем передача тел на научные цели стала привлекательной альтернативой для семей, либо не имевших средств на похороны, либо стремящихся поддержать исследования в криминологической сфере. Институт принимал тела в радиусе сотни миль и брал на себя расходы по их перевозке.

Теперь у него имелся целый лист ожидания, и более четырех тысяч подписавших согласие доноров дожидались своего места на Ферме. Когда с телом было покончено, скелет тщательно очищали, паковали в длинную картонную коробку и хранили на металлических стеллажах в Университете.

— Перетащить для вас еще мертвеца-другого? — любезно поинтересовался Керк.

Эми улыбнулась.

— Думаю, одного на сегодня достаточно. Так с кого вы хотите начать?

Мы обменялись растерянными взглядами. Потом я указала на ноги с ярко-красным лаком на ногтях, торчащие из-под черного полиэтиленового тента, угол которого громко хлопал на ветру.

— Может, с этого? — спросила я.

— Конечно, — ответила Эми. — Мы выложили ее только сегодня, но давайте посмотрим, что у нас тут.

Она опустила на корточки и отвернула край толстого полиэтилена.

— Ого! Видите, вот здесь? Кто-то объел ей ноги. Надо же, как быстро...

Мы наклонились, чтобы посмотреть.

— Кто мог это сделать? — спросила я. — Крысы?

— Да, могли крысы. Или белки.

— Seriously? Я думала, белки не едят мясо. Ну или, по крайней мере, не едят людей.

— Я тоже так считала. Но у нас есть видеонаблюдение. — Эми встала и указала на несколько камер на деревянных стойках. — Енотам тоже лучше не доверять. Они вовсе не такие милые, как кажутся.

Эми отряхнула брюки на коленях и жестом показала следовать за ней.

— У меня есть еще один, лежит тут несколько недель. Но он чуть глубже в лесу, в тени.

«В целом не так и ужасно», — подумала я. То ли я уже начала привыкать к запахам, то ли зрелище было таким нереальным и одновременно захватывающим, что я забыла о тошноте.

Однако при нашей следующей остановке мою браваду как ветром сдуло. Я не могла сказать, было тело молодым или старым, мужским или женским, но одно знала точно: оно было *огромным*.

— Это сильно раздулось, так что будьте осторожны. Может лопнуть в любую минуту, — предупредила Эми.

«Пожалуйста, только не это. Только не это», — взмолилась я про себя. Я слышала, что трупы на поздних стадиях разложения могут «взрываться», и Эми, как мне показалось, только что это подтвердила. Как выяснилось, тела не взрываются в один момент, разлетаясь в клочья; на самом деле кожа трескается медленно, и у тех, кто стоит рядом, есть запас времени, чтобы сбежать без оглядки.

Я подошла ближе, чтобы сделать снимки, стараюсь не дышать глубоко. Даже на парковке запах казался почти невыносимым, здесь же он был в тысячу раз хуже. В следующий миг я увидела ком белых личинок, копошащихся на лице трупа. По дороге на Ферму мы шутили, что здорово будет потом перекусить тапиокой, но сейчас эти шутки перестали быть забавными.

Я уже сто раз пожалела, что не надела маску — и не только из-за вони. Был июль, мы находились в Теннесси, и мошкара черными облаками клубилась в воздухе между деревьев.

Мысль о том, что я могу вдохнуть этих крошечных мерзких насекомых, страшно меня нервировала. Сделав вид, что вот-вот чихну, я уткнулась носом в рукав рубашки и подышала сквозь ткань. Подняла голову и посмотрела в синее небо, сосредоточившись на контурах облаков. Надо было любым способом отвлечься от картин, запахов и звуков человеческого разложения.

Почему мошкара, роясь, издает такой звук, будто кто-то жует сэндвич с открытым ртом? Я когда-нибудь смогу избавиться от этой вони на своей одежде? И почему тут должно быть так чертовски жарко? Я мечтала о прохладном ветерке. Кому вообще пришла в голову светлая мысль поехать сюда? Ах да — мне.

Не то чтобы я проснулась в один день и подумала: *«Я хочу помучить себя максимально изощренным способом»*. Проект, над которым мы работали, был первым в своем роде и подлинной золотой жилой информации для судебных художников. То, чем мы занимались, могло помочь опознать тысячи тел, похороненных в безымянных могилах, и привнести ясность во множество дел об исчезновениях людей.

Если вы когда-нибудь смотрели «CSI: Место преступления», то, вероятно, считаете, что составление приблизительного портрета — дело несложное. Художник наклеивает на череп кусочки резиновых ластиков, а потом заполняет пространство между ними глиной, воссоздавая лицо. Конечно же портрет получается в точности похожим на оригинал, и жертву сразу опознают.

Если бы только это было так! Хотя череп действительно дает подсказки относительно того, как чело-

век выглядел при жизни, остается масса переменных. И это всегда сводило меня с ума. Стоит мне увидеть человека с необычной внешностью, я не могу удержаться от мысли: «А что происходит у него под кожей? Почему у этой женщины ямочка на одной щеке, а на другой нет? Почему у нее такая складка на веке? Почему правый глаз расположен выше левого? Она родилась с этим носом или тут поработал пластический хирург?»

В идеальном мире я нашла бы ответы в коллекции снимков — черепов и лиц, им соответствующих, — но практического способа составить ее не существует. Судебный художник может проверить точность своих предположений, если происходит опознание, но у нас нет возможности делиться информацией друг с другом. Как только у черепа появляется имя, с ним появляются и права — принадлежащие после смерти членам семьи. Художникам требуются реальные примеры для сравнения и обучения, но мы не можем получить их без разрешения родственников. А как попросить об этом скорбящих?

Ответ пришел ко мне после прочтения книги судебного антрополога Уильяма Басса «*Акр смерти*». Я подумывала пожертвовать свое тело в интересах науки, а что может быть лучшим выбором, чем Ферма Трупов? Заполняя онлайн-форму на сайте, я обратила внимание, что там запрашивается фотография с водительских прав. Я поморгала, чтобы убедиться, что зрение меня не обманывает. *Фотографии!* На Ферме Трупов были снимки доноров! К тому же они *сами* передали Институту права на свои тела, так что их можно было использовать для исследований.

Я до того разволновалась, что у меня мутилось в глазах, а в мозгу уже начал строиться план: «*Я собираю*

команду, и мы поедem туда. Изучим каждый череп и получим все фотографии, которые у них есть. Сможем прояснить множество вещей, и о наших открытиях будут знать все судебные художники!»

Я представляла себе занятия по лицевой аппроксимации в Академии ФБР и каталоги, которыми смогут пользоваться специалисты. Может, даже онлайную базу данных 3D-моделей черепов. Возможности казались мне безграничными, и вместе с ростом числа тел на Ферме Трупов возрастал и мой энтузиазм.

За последние годы я навидалась ужасов вроде места падения самолета и успела понять, что «размазать мозги по стенам» не всегда бывает эвфемизмом. О таком меня не предупреждали при собеседовании на работу и, наверное, правильно сделали, потому что я запросто дала бы задний ход. Но теперь я могла смотреть на отрезанные головы, поедая клюквенный маффин, и не испытывать никакого дискомфорта.

— Почему ты выбрала эту работу? — Мне часто задают этот вопрос, и я вовсе не хочу сбить человека с толку, когда отвечаю, что это произошло... само собой.

Я прошла долгий путь, сначала поступив в армию, а потом годами перебиваясь на подработках, чтобы получить диплом. Ну а дальше удача, терпение и подготовка объединились, даровав мне лучшую и, осмелюсь сказать, крутейшую работу на земле. Работу, которая досталась мне нелегко и за которую мне некоторое время пришлось цепляться зубами и ногтями, чтобы ее не потерять.

В Бюро есть два типа сотрудников: агенты ФБР и все остальные. Я принадлежу ко вторым — тридцати пяти тысячам вспомогательного персонала, который

занимается именно тем, о чем говорит его название. Работа агентов — ловить плохих парней, моя работа — помогать агентам, рисуя портреты, вылепливая маски и воссоздавая лица по черепам.

Большинство людей считают, что в ФБР работают суровые парни в черных костюмах. Можете мне не верить, но агенты — такие же люди, как вы или я, с семьями, друзьями, с чувством юмора, и если судить по тем, с кем мне приходилось сотрудничать, высочайшим профессионализмом и преданностью своей работе. Большинство агентов ФБР работают в пятидесяти шести полевых офисах по всей территории США либо в шестидесяти трех заграничных — по всему миру.

Всего в ФБР трудится 14 000 женщин, и большинство — во вспомогательном персонале; специальными агентами являются только 2700. Примерно половина из 21 000 служащих-мужчин (11 000) — агенты, то есть соотношение агентов-женщин и агентов-мужчин составляет один к четырем.

В Лабораторном отделе, где я работала, примерно шестьсот служащих, и большинство из них — вспомогательный персонал. Кроме судебных художников, там есть ученые, аналитики ДНК, геологи, антропологи, эксперты по огнестрельному оружию, фотографы, криптологи и многие, многие другие.

Лаборатории ФБР — это не военная организация, хотя у нас действуют строгие правила, процедуры и даже процедуры по составлению процедур. Здесь никто не выкрикивает приказов и не ставит под сомнение каждое решение, принятое сотрудником. Мы профессионалы, мы знаем свое дело и являемся экспертами в своих областях.

Мы действуем в интересах жертв преступлений. Этот девиз буквально выгравировали в камне,

когда Лабораторный отдел переехал из штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне, округ Колумбия, в Куантико, Виргиния, в 2003 году. На цветочной клумбе под флагами США и ФБР лежит гранитная плита с эмблемой ФБР и надписью: «За каждым делом стоит жертва — мужчина, женщина или ребенок, — и люди, которым она небезразлична. Мы посвящаем свои усилия и новую Лабораторию ФБР этим жертвам».

Противоречие, составляющее суть работы судебного художника, заключается в том, что, хотя мы создаем рисунки и скульптуры, это не произведения искусства. Мы не самовыражаемся; наша задача — производить визуальную информацию, которая будет использована в расследованиях и на суде.

Самой известной и распространенной разновидностью нашей работы является создание портретов по описаниям, или фотороботов, когда мы совмещаем части отдельных картинок, чтобы получилось лицо. Какой-то шутник сравнил этот процесс с созданием «Мистера Картофельная Голова», название прицепилось, и, хотя мы сами им недовольны, я должна признать, что описание достаточно точное.

Вторым по популярности видом деятельности судебного художника является возрастная коррекция. Ваше задание может звучать так: «Заклученный сбежал из тюрьмы пятнадцать лет назад, вот вам его фото при аресте, когда ему было тридцать пять, и изобразите его в пятьдесят».

Однако в отсутствие точной информации о внешности беглеца создание такого изображения будет основываться на допущениях. Точно так же в кино

с путешествиями во времени режиссеры моделируют картинку вероятного будущего.

Фотороботы и возрастная коррекция относятся к опознанию живых людей. Посмертные портреты и лицевая аппроксимация — к опознанию мертвых.

Посмертный портрет — это фотография неопознанного мертвеца, которую надо обработать с помощью цифровых инструментов таким образом, чтобы ее можно было предъявить публике. Иногда бывает достаточно открыть глаза и закрыть рот на снимке, сделанном в морге. Но бывают и гораздо более сложные случаи, когда несколько дней уходит на ретуширование синяков, следов от удара тупым орудием, разложения или того хуже.

Лицевая аппроксимация — это техника воссоздания лица по структуре черепа. Обычно она предпринимается в качестве последней меры для опознания человека, когда все остальные средства исчерпаны. На один череп, попадающий к судебному художнику, приходится сотни тех, которые никогда до нас не дойдут.

В зависимости от источника (верите или нет, тут большую роль играет политика), в США насчитывается от восьми до сорока тысяч неопознанных останков. В криминальных телесериалах лицевая аппроксимация — чуть ли не стандартная процедура в случаях, когда обнаружен безымянный череп. На самом деле все совсем не так по множеству причин, в числе которых время, деньги и — опять же — политика.

Главный фактор успеха нашей работы — это вы, люди, неравнодушная общественность, и очевиднее всего мое утверждение иллюстрирует случай Джона Листа. 9 ноября 1971 года Лист застрелил свою жену, мать и троих детей, после чего сбежал, и почти два